

Майкл Терри

История Лауры

ЛитРес: Самиздат
Москва

УДК 82-312.9
ББК 84(2)6
Т35

Терри М.

История Лауры / Терри М. — Москва: ЛитРес: Самиздат, 2020. — 83 с.

ISBN 978-5-532-99990-9

Семья Лауры перебирается на лето в отдаленный загородный дом, который папа приобрел по очень хорошей скидке. Никто из них не догадывается о страшной тайне, которую молчаливые стены дома хранят почти столетие. Но, случайно проснувшись глубокой ночью, Лаура начинает подозревать, что в доме творится что-то странное, загадочное и очень страшное, а очень скоро осознаёт, что потусторонний мир не всегда находится по ту сторону от нашего.

Содержание

Пролог	4
Третье июня 2009 года	6
1	6
2	13
3	16
4	19
Четвертое июня 2009 года	21
1	21
2	25
3	37
4	41
Пятое июня 2009 года	43
1	43
2	46
3	48
4	52
5	53
6	55
Шестое июня 2009 года	56
1	56
2	59
3	60
4	62
5	64
6	68
7	71
8	73
Тридцатое августа 2009 года	77
Эпилог	81

Пролог

(март, 1938)

Я, Лаура Вуден, сижу в своей комнате, боясь пошевелиться, и прислушиваюсь к болезненным крикам мамы и приглушенному назидательному басу отца, раздающимся с первого этажа. То, что происходит между ними, это даже не спор; отец просто в очередной раз напоминает маме о ее недостатках и дополняет свои аргументы ударами крепких кулаков.

Он снова избивает ее. Я не могу расслышать, что именно он говорит в перерывах между ударами, но понимаю, что маме сейчас, действительно, очень больно.

Несмотря на происходящее, жалости к ней я не испытываю. Господи, с раздражением думаю я, прислушиваясь к ее скулящим всхлипам, ну неужели за семнадцать лет совместной жизни с отцом ты не научилась вести себя так, чтобы не будить в нем ярость? Неужели тебе нравится, когда он избивает тебя? Нравится чувствовать боль? Ты добиваешься этого специально? Или ты просто глупа и упряма?

Разумеется, я не оправдываю отца и понимаю, что его действия ужасны, но мама, зная особенности характера человека, с которым живет с самой молодости, давно могла бы научиться вести себя хитрее и умнее для того, чтобы избегать его вспыльчивости, точно так же, как это удастся мне. От этого всем было бы только лучше.

На секунду я вспоминаю о том, что произошло между мной и отцом совсем недавно на лесной поляне, когда я помогала ему заготавливать дрова на случай внезапных заморозков. Он не спрашивал разрешения, но оно ему было и не нужно. Он всегда был мужчиной. Он всегда получал то, что хочет. Он всегда делал то, что считал нужным и я, в отличие от мамы, очень быстро научилась не перечить ему, чтобы не нажить ненужных проблем.

Поэтому я просто закрыла глаза и, плотно сжав зубы, чтобы не кричать от боли, ждала, когда он закончит свое дело. Отец стал моим первым мужчиной... Видимо, это именно то, что люди и называют

судьбой, от которой никуда не денешься. С ней просто нужно смириться. Ее просто нужно принимать такой, какая она есть...

С первого этажа раздается очередной короткий крик мамы, наполненный болью и страданием. Уткнувшись лицом в подушку и заткнув пальцами уши, я изо всех сил стараюсь отвлечься и не думать о том, что происходит внизу.

В конце концов, мама, ты во всем виновата сама.

Третье июня 2009 года

1

– Что это? – спросила я, посмотрев в боковое стекло машины, и поежилась.

Не в силах оторвать от дома испуганно-брезгливый взгляд, я сразу обратила внимание, как мрачно выглядело это старое двухэтажное деревянное сооружение с почерневшими от времени и сырости стенами, покрытыми у земли ярко-зеленым мхом.

– Это наш новый дом, Лаура. Мы проведем здесь все лето! – ответила мама с легким сарказмом в голосе и с любовью посмотрела на свое кольцо с крупным бриллиантом, которое папа подарил ей на Рождество. – Папа очень долго искал то, что будет нам всем по душе, и не разочаровал!

– А почему ты называешь этот дом новым? – не унималась я.

В ответ мама фыркнула, но тут, заглушив двигатель автомобиля, в разговор вмешался папа. Он с гордостью посмотрел на дом, а потом, подмигнув нам, весело и громко произнес:

– Выше нос, девчонки! Этот дом прекрасен, хотя, соглашусь, небольшой косметический ремонт ему бы не помешал. Но, если учесть, какую потрясающую скидку мне сделали в агентстве, то он идеален!

– - Не представляю, как жить в доме, на который страшно даже смотреть... – вымолвила я, расстроено покачав головой.

– Первое впечатление часто бывает обманчивым, – успокоил папа, выбираясь из водительского кресла. Он быстро обошел вокруг машины, открыл дверь с моей стороны и уверенно добавил. – Уверю, здесь нам будет гораздо комфортнее, чем в пыльном и грязном Чикаго, вот увидишь, принцесса. Впереди нас ждут три чудных месяца! Я смогу, не отвлекаясь, закончить свою книгу, а твое выздоровление пойдет гораздо быстрее на свежем воздухе.

Снова разочарованно покачав головой, но не проронив ни слова, я опустила глаза и осторожно погладила свои ноги, закованные в гипс от стоп до верхней части бедер.

– Просто оглянитесь, родные мои! – воодушевленно продолжал папа, а потом закинул голову, закрыл глаза и, расставив в стороны руки, вдохнул полной грудью наполненный хвойным ароматом воздух. – Боже! Запах природы, как он прекрасен! Неужели можно не влюбиться в это сказочное место?

– Я не чувствую ничего, кроме отвращения, – честно ответила я, оглядывая заросший высокой травой двор. – Мы у черта на куличках. Вдали от цивилизации. Сколько миль до ближайших соседей? Сто? Двести?

– Восемь, – мягко ответил папа и с надеждой посмотрел на маму, надеясь, как можно скорее, заручиться ее поддержкой.

– Всего лишь восемь? – с напускным облегчением воскликнула я. – Потрясающе! И чем мне заниматься все лето? Слушать птичек?

– Для начала тебе нужно поправиться, – вступила в разговор мама, – и выполнять все предписания врачей, соблюдая постельный режим до тех пор, пока кости на твоих ногах не срастутся и не окрепнут. Рано или поздно ты встанешь. Но, если не хочешь все следующее лето провести точно также, как нынешнее, то прислушайся к моему совету.

– И что же это за совет? – с подозрением спросила я, чувствуя в ее голосе подвох.

– Больше не вылетай на велосипеде на проезжую часть, не сталкивайся с автомобилями и не ломай себе ноги, – подмигнула она и похлопала меня по плечу.

Я насупилась и промолчала, а папа, воспользовавшись паузой, ловко подхватил меня на руки и направился к высокому крыльцу, а по пути произнес:

– Да, хорошая газонокосилка не помешает... Но, думаю, это не станет для нас проблемой.

Поднявшись по ступенькам на крыльцо, он, крепко прижимая меня к себе, освободил одну руку и, быстро запустив ее в карман,

извлек на свет металлический ключ, который выглядел как раз под стать дому – такой же мрачный и темный.

Оказавшись в коридоре, пропитанном затхлым и сырым воздухом, я, покрепче вцепившись в папу, со страхом оглядела установленный старинной мебелью холл. Изнутри дом выглядел ничем не лучше и не уютнее, чем снаружи. Точно такие же потемневшие от времени деревянные стены делали холл, в дальнем конце которого находилась лестница, ведущая на второй этаж, очень мрачным.

– Ну? – весело выкрикнул папа. – Что скажете?

– Это... – начала было я и запнулась на мгновение, но, сглотнув в горле сухой ком, продолжила. – Это ужасно... Ничего более кошмарного я никогда в жизни не видела.

– Придется хорошенько потрудиться, чтобы придать всему этому приличный вид, – добавила мама откуда-то сзади. – Но в целом, все не так плохо, как мне показалось в первую секунду.

– Надеюсь, ты шутишь, мамочка, – возразила я. – Ты уверена, что тебе не страшно будет находиться в этом доме? Ты уверена, что по ночам сможешь спокойно спать?

– О, не преувеличивай, принцесса, – рассмеялся папа и понес меня к лестнице. – Мама будет спать со мной в одной комнате под моей защитой и ничего страшного с ней не случится! А по вечерам мы будем топить камин и болтать о всякой всячине, разве это не здорово? Я подниму тебя на второй этаж, твоя комната полностью готова к заселению.

– Второй этаж? – изумилась я, надеясь, что ослышалась, и посильнее вцепилась в папину шею. – Это безумие! Я должна оставаться внизу!

– Принцесса, милая... – мягко возразил папа. – На первом этаже располагаются гостиная, кухня и мой кабинет. А наверху у тебя будет своя собственная комната с прекрасным видом на окрестности, разве это не здорово?

– Это совсем не здорово, – обиженно поджала я губы. – Я не хочу оставаться в стороне от жизни и прозябать на втором этаже в одиночестве.

– Лаура, пожалуйста... – добавила мама. – Мы не собираемся забыть о том, что оставили тебя наверху. Но там тебе действительно будет лучше и спокойней. Поверь, ты сама взвоешь, если мы с папой будем мелькать перед тобой целыми днями напролет.

Понимая, что в ее словах определенно присутствовал здравый смысл, я замолчала, с пренебрежением оглядываясь по сторонам и прислушиваясь к надсадному скрипу старых половиц под ногами родителей. Я всегда представляла себе загородный дом в виде уютного светлого коттеджа, окруженного милым искусственным газончиком, но здесь... Клянусь, этот ужасный дом больше подходил для съемок фильма ужасов, чем для проживания порядочной, интеллигентной городской семьи.

– А вот и твоя комната! – с гордостью воскликнул папа, вырвав меня из удручающих размышлений, и вошел в небольшую, ничем не украшенную комнату с точно такими же деревянными стенами как везде, разве что они не были такими черными как с наружной стороны дома. – Ну? Как тебе?

Я с сомнением оглядела комнату и задержала взгляд на запыленном, плотно закрытом окне, расположенном в противоположной стене. Ну, по крайней мере, здесь не так темно, как внизу, подумала я, пытаясь разглядеть во всем этом безумии хоть что-нибудь положительное.

Не дождавшись ответа и что-то весело рассказывая, папа пересек комнату и уложил меня на старинную кровать с металлическими душками, которая, справедливости ради стоит отметить, была застелена чистым бельем. Старые пружины сердито и раздраженно застонали под весом моего тела и я, испугавшись этого звука, замерла, не смея пошевелиться. Мама же кинулась распахивать рамы, и через несколько секунд комнату начал наполнять свежий воздух.

– Вы только взгляните на этот прекрасный вид! – воскликнул папа, подошел к маме и, приобняв ее за талию, посмотрел вдаль. – Сейчас нам завидует весь Чикаго! Весь, до самого последнего человека, до самого отчаянного урбаниста! Нас ждет незабываемое лето! Я смогу спокойно закончить книгу, а твое выздоровление, Лаура,

здесь пойдет в несколько раз быстрее, чем в городском смоге, поверь мне!

— Я прекрасно чувствовала себя, окруженная отравленным дымом и выхлопными газами, — буркнула я, вытянув шею и с неприязнью разглядывая просторный, заросший высокой травой двор и густой еловый лес, начинающийся в нескольких десятках метров от дома. — Я была счастлива в Чикаго, но здесь... Я не чувствую приступа радости... Интересно, много ли волков живет в этом страшном лесу? И как часто они бегают по нашему двору? А что, если...

— Девочка моя, ты слишком впечатлительна, — беззлобно рассмеялась мама и покачала головой. — Папа прав, вид из окна действительно чудесен. Бродя по вечерним переулкам Чикаго, ты никогда не волновалась из-за того, что на тебя может напасть маньяк или бездомный бродяга, а сейчас боишься каких-то вымышленных волков и естественной красоты природы.

— По крайней мере, бродяги и маньяки — тоже люди, — возразила я.

— Поверь, милая... — задумчиво ответил папа и кивнул в сторону леса. — Иногда именно люди — самые опасные животные на планете. Страшнее, злее и беспощаднее, чем самые лютые волки, которые, как известно, никогда не убивают просто так, ради удовольствия.

— Все равно, — не сдавалась я. — Мне не нравится здесь. Я чувствую себя выброшенной на обочину жизни неудачницей, которая вынуждена томиться в клетке на краю света.

— Ты не навечно прикована к постели, — мама подошла и поцеловала мою макушку. — Максимум, через полтора месяца ты встанешь на ноги при условии, что не будешь нарушать режим и...

— И вы разрешите мне вернуться домой? В нашу уютную квартиру с видом на смог, бродяг, маньяков и каменные джунгли?

— ...И ты сможешь гулять по округе и наслаждаться чистым лесным воздухом, — закончила мама невозмутимым тоном. — А может быть, мы разрешим тебе снова сесть на велосипед. Уверена, вероятность того, что ты опять влетишь на нем в какую-нибудь машину, в этом районе страны сведена к минимуму.

— Очень смешная шутка, — поморщилась я, но тут в разговор снова вмешался папа и сказал мечтательным тоном: